

«ЖИЗНЬ МОЯ — МУЗЫКА» — так называется новый документальный фильм Горьковской телестудии, посвященный композитору Александру Александровичу Касьянову*. Появление такого фильма — событие для всех, кому что-то говорит это имя. Наш земляк — старейший из композиторов, воплощенная история советской музыки; музыкант высокого вкуса и профессионализма, без остатка преданный искусству; проницательный судья и педагог; человек редкой нравственной чистоты и огромного обаяния — всем этим не исчерпывается содержание его личности. Фильм о Касьянове хорош уже самим фактом своего существования, как дань уважения этому музыканту и человеку, давно такого ува-



ПОКАЗЫВАЕТ Т.В. ФИЛЬМ

О А. А. КАСЬЯНОВЕ

жения заслужившему. Воспринимается он с интересом, без скуки, порой сопутствующей документальным лентам с обилием фотоматериала. Это объясняется большой информационной плотностью, быстрым темпом «дей-

ствия» — темпом смен кадров, снимков, сцен, за которыми стоят страницы большой биографии. Увиденное оставляет ощущение активной, насыщенной событиями жизни. Однако отмеченные качества имеют и свою негативную сторону. Здесь хотелось бы высказать главную претензию авторам фильма. То, что с точки зрения чисто кинематографической кажется убедительным и производит впечатление динамизма, при соотнесении с объектом — личностью Касьянова — обрывается досадной скоропалительностью, конспективностью. Почему так мал, до странности краток этот фильм? — такой вопрос задают многие. Конечно, существуют разные киножанры, прямо зависящие от поставленных временных условий. Но во всех случаях необходимо считаться со спецификой материала. Сама жизнь А. А. Касьянова, долгая и богатая, сам масштаб его личности, сам эпический величавый дух его искусства — все

это требовало иных временных рамок. Восемнадцать минут в применении к такому материалу кажутся неестественно малым пространством, противоречащим внутреннему содержанию. Думается, в самом замысле столь краткой ленты, отошедшей от киноочерка, но не ставшей достаточно полным кинопортретом, содержался определенный изъян, — с самого начала здесь нужны были иные условия, иной разгон.

Каким мог бы получиться этот фильм, не будь здесь таких жестких границ? Вероятно, в нем были бы затронуты более глубокие пласты жизни композитора. Сказанное относится прежде всего к музыке: в фильме под таким названием музыка могла и должна быть главным действующим лицом. В таком случае зритель — слушатель почувствовал бы все богатство ее мира: драматическую силу и удачу, тонкое обаяние и благородство, острую наблюдательность и живой юмор (вспомним хотя бы детские хоры, часто исполняемые Горьковской капеллой мальчиков)... Без всего этого портрет Касьянова кажется неполным, так сказать, поверхностно-хроникальным.

Музыки недостает в фильме не только количественно,

ее не хватает в качестве «переднего плана». Между тем уже в самой разножанровости касьяновского творчества таится немало кинематографических возможностей. Зрительные детали живого исполнения, продуманный видеоряд помогли бы авторам избежать статики фильма — концерта, если бы таковая опасность им угрожала. Можно вспомнить немало музыкальных фильмов — портретов, где подобные проблемы решены весьма убедительно. Таковы документальные ленты о Прокофьеве, Шостаковиче, Качатуряне, Свиридове, Щедри-не...

Высказанные соображения — не только упрек авторам новой киновыработки, достойным уважения и похвалы уже потому, что они взяли на себя благороднейшую задачу и отчасти выполнили ее. Это — и размышления о новом, еще не созданном фильме, который был бы на сей раз не конспектом и не эскизом, а «полным текстом» рассказа о нашем замечательном земляке.

Т. ЛЕВАЯ,
музыковед.

НА СНИМКЕ Р. Богданова — кадр из фильма «Жизнь моя — музыка». Композиторы Т. Хренников и А. Касьянов.

* Авторы сценария К. Проймин и Г. Храменкова, режиссер М. Талайко, оператор Ю. Печинкин, звукооператор Е. Фролов, консультант Н. Благовидова, редактор К. Мосягин.